

то и въ жизни польскаго короля Стефана Баторія, заступившаго недолговѣчнаго на польскомъ тронѣ Генриха Анжуйскаго, былъ одинъ моментъ, когда и ему пришлось подумать то же самое, что сказалъ Генрихъ IV. Наконецъ, Франція видѣла уничтоженіе нантскаго эдикта державною рукою короля, объявившаго знаменитое: „государство, это—я“; „государство, это—мы“, могла бы сказать польская шляхта XVII в., издававшая на сеймахъ законы противъ „разновѣрцевъ“. Въ монархической Франціи католицизмъ былъ признанъ за лучшую опору трона, іезуиты съумѣли напечатать польской шляхтѣ, что лучшее обезпеченіе ея „золотой вольности“ въ католицизмѣ. *Mutatis mutandis*, это сравненіе двухъ реформаций, во многомъ сходныхъ, приводитъ насъ къ той мысли, что польская реформація, менѣе экзальтированная, хуже организованная, не столь энергичная, а вмѣстѣ съ тѣмъ, пожалуй, болѣе сословная, нежели французская, и задатковъ для развитія имѣла меньше. Но вмѣстѣ съ этимъ приведенное сравненіе выдвигаетъ на первый планъ нѣкоторыя черты, общія реформаціонному движению, и именно въ Польшѣ онѣ являются еще менѣе осложненными, а потому болѣе рельефными, нежели во Франціи.

Основная особенность польской и французской реформации та, что государственная власть и народныя массы въ обоихъ странахъ остались католическими. Здѣсь не мѣсто разсматривать вопросъ, что случилось бы во Франціи при попыткѣ реформации сверху, но относительно Польши это вопросъ не праздный. Мы имѣемъ примѣръ двухъ „королевскихъ реформаций“—въ Даніи и Швеціи. Въ обоихъ государствахъ сидѣли на престолѣ государи, возведенные политической революціей; обоимъ королямъ пришлось имѣть противъ себя могущественную духовную аристократію; одинъ сверхъ того, датскій король Фридрихъ I, былъ лютеранинъ, и въ его шлезвигъ-голлштинскомъ княжествѣ реформація уже утверждалась, а другой, Густавъ Ваза шведскій, дѣйствовалъ по чисто политическому разсчету. Здѣсь важно не то, какими мотивами руководились Фридрихъ I и Густавъ Ваза, но то, что инициатива принадлежала власти, и власть провела реформацію въ народъ, опираясь на возбужденіе мірянъ противъ клира, причемъ въ массахъ религіозныя новшества не встрѣтили серьезной оппозиціи. Въ Швеціи еще рельефнѣе, чѣмъ въ Даніи, выступаетъ политическая сторона реформации. Густавъ Ваза былъ прежде всего политикъ. Ему хотѣлось уничтожить зависимость короны отъ Рима и сломить могущественный клиръ, составлявшій какъ бы государство въ государствѣ и владѣвшій двумя третями земли. Онъ сталъ дѣйствовать, опираясь на сеймъ, въ которомъ участвовали пред-